

Только выставив Юэ Чжао за дверь, Лингуан вспомнил, что тот оставил у него деревянную шкатулку.

Он открыл крышку. Внутри лежала чешуйка — размером в пол-ладони, изящная, похожая на веер. Её цвет плавно перетекал от нежной, едва заметной зелени к глубокому, почти чёрному малахитовому оттенку. На солнце она не сияла, оставаясь матовой, а по самым краям уже расплзалась глухая, зловещая тьма, медленно пожирая живой зелёный цвет.

Лингуан повидал немало драконьей чешуи на своём веку, но в этой сразу распознал обратную. Самую сокровенную.

Его покойный муж, Лазурный Дракон, когда-то преподнёс ему свою лучшую обратную чешую в знак вечной верности. Сам Лингуан тогда подарил ему в ответ своё самое прекрасное хвостовое перо.

То был залог их любви.

Положив обратную чешуйку на ладонь, Лингуан покачал головой. Каким же наивным дуралеем был этот Юэ Чжао.

Раздавать обратную чешую направо и налево... И кому? Человеку, которого он едва может назвать другом.

Лингуан вернул обратную чешуйку на место, распахнул дверь и, встретившись с обнадёженным взглядом Юэ Чжао, безжалостно швырнул шкатулку ему в руки.

Юэ Чжао оторопел. Прижав шкатулку к груди, он уставился на Лингуана полными слез глазами, словно безвинно преданная душа.

— А-Лин она не по душе? — всхлипнул он. — Но это же моя самая красивая обратная чешуя... Или ты брезгуешь мной?

Тёмные пятна и впрямь лишили её прежнего блеска, оставив на безупречной поверхности след скверны. Разумеется, Лингуан, величавый и чистый божественный феникс, не станет прикасаться к столь зловещему предмету.

Лингуан действительно брезговал — но не скверной, а беспросветной глупостью стоявшего перед ним создания.

— Ты здесь человек новый и, должно быть, не в курсе, — сухо произнёс он. — У расы драконов обратная чешуя служит свадебным даром. Не раскидывайся ею перед кем попало.

Юэ Чжао растерялся, но быстро пробормотал под нос:

— Так... я и хотел, чтобы она им стала!

— Что ты сказал? — Лингуан вскинул бровь. От его ледяного, грозного взгляда Юэ Чжао мгновенно притих.

Обида кольнула Юэ Чжао, но он сдержался. Снова всучив шкатулку Лингуану, он жалобно заглянул ему в лицо:

— Это моя обратная чешуя, она сбережёт тебя от любых невзгод. Пусть это будет платой за моё лечение, хорошо?

Он чуть склонил голову, и в его ласковом, заискивающем взгляде читалась почти осязаемая, приторная нежность.

Лингуан лишь снисходительно хмыкнул:

— Видимо, ты упустил ещё одну деталь. Я несвободен. Мой муж тоже был из рода драконов, и мы давно обменялись залогами любви.

Он сделал короткую паузу и безжалостно добавил:

— И его обратная чешуя была куда красивее твоей.

Юэ Чжао замер, словно поражённый громом.

Жизнь драконья потеряла всякий смысл!

Сникнув, будто побитый морозом лист, он больше не посмел просить о лечении. Ему оставалось лишь безропотно смотреть, как прямо перед его носом захлопывается тяжёлая дверь.

Медленно бредя по улице, Юэ Чжао мрачнел с каждым шагом.

Система поспешила успокоить его:

[Хозяин, бросьте вы это. Сами ведь знали, что он никак не забудет покойного мужа]

— Значит, его чешуя красивее... и появился он первым, — тихо цедил сквозь зубы Юэ Чжао. —

Но боги, как же мне нравится его вдовец.

— Проклятые людишки... — Юэ Чжао резко помрачнел, глаза его налились пугающей, безумной злобой. Он хрипло, зловеще расхохотался. В его опущенном взоре на миг промелькнула истинная сущность высшего божества — абсолютная, безжалостная пустота Великого Дао. — Ничтожные неблагодарные черви. Вечно от них одни неприятности.

Не будь этой презренной человеческой скверны, его чешуя сияла бы ярче, затмив память об этом никчёмном мертвеце.

Юэ Чжао продолжал лихорадочно шептать, словно в бреду:

— Он так прекрасен... Как же я его хочу.

— Он будет моим. Обязан стать моим. Только моим и больше ничьим.

[.....]

[Что ж... Чем бы дитя ни тешилось]

[Как заставить опомниться божество, которое раньше только и делало, что крушило миры ради забавы, а теперь сохнет по неприступному холодному вдовцу? Пишу из горящего танка, советы нужны срочно!!!]

С тихим шорохом распахнулось окно кладовой, и ворвавшийся весенний ветер заставил тяжело заколыхаться плотные шторы. Лингуан медленно поднимался по приставной лестнице, внимательно оглядывая заставленные стеллажи.

Просторная кладовая была забита до отказа. Бесчисленные коробки громоздились друг на друге на высоких полках, крадя свободное пространство. К счастью, созданная людьми автоматическая система уборки работала исправно: даже на вещах, до которых веками никто не дотрагивался, не было ни пылинки.

И всё же в воздухе витал едва уловимый, застоявшийся запах старых вещей, неизбежно появляющийся там, где годами ничего не тревожат.

Лингуан и сам толком не помнил, что именно здесь лежит. Вообще-то он владел великолепной Резиденцией звёздного лорда, выстроенной в самом центре военного округа, но жить в монументальной пустоте ему быстро наскучило. Он приобрёл уютный двухэтажный особняк в элитном вилловом районе, приспособив все свободные комнаты под склады.

Особо ценного здесь, конечно, ничего не хранилось.

Дотянувшись до потемневшей деревянной коробочки, он открыл её и обнаружил простой алый шнурок-оберег. Его ярко-красный цвет оставался прежним, хотя сам плетёный поясok давно порвался.

Лингуан заврожённо смотрел на него.

Бездевушка выглядела на редкость незатейливо — точь-в-точь как те дешёвые нити судьбы, что продают туристам у священных деревьев. Вот только когда-то на ней висела обратная чешуя великого дракона. Пропитавшись древней ци, шнурок обрёл едва уловимую силу, навсегда перестав быть обычной вещью.

По крайней мере, для Лингуана её ценность была неизмерима.

Лингуан давно не возвращался мыслями к тем временам, иначе не забросил бы реликвию в тёмный угол кладовой.

Но сегодняшняя встреча с чешуёй Юэ Чжао разбередила старые раны.

Ао Цин отдал ему свою обратную чешую легко, без лишней торжественности. Это случилось в мире смертных, когда они прогуливались возле раскидистого дерева супружества. Девочка-торговка так жалобно умоляла купить у неё плетёный оберег, суля им в награду «вечное счастье и долгие годы согласия», что они просто не смогли отказать и приобрели вещьцу на память.

Лингуан уже смутно помнил, сколько веков уткло с того дня. В памяти остался лишь образ: трепещущие на ветру багряные ленты священного древа и Ао Цин, стоящий рядом. Дракон мягко ухватил его за руку и повязал на запястье нить, на которой покачивалась тёмно-изумрудная обратная чешуя.

Ао Цин ласково улыбался, похожий на сошедшего с небес бессмертного, чей лик не тронут земными заботами. Его широкие одежды колыхались от ветра, когда он переплёл свои пальцы с пальцами Лингуана и шутливо протянул:

— Раз принял мою чешую, обратного пути нет — теперь ты мой. Мы принесли клятву пред ликом священного древа. Помни об этом, А-Лин.

Тогда Лингуан лишь притворно поморщился, посчитав шнурок чересчур невзрачным, а жест — легкомысленным. Даже нехитрое пожелание прожить вместе век показалось ему малостью:

— Всего лишь жалкий век согласия? И это всё, чего ты желаешь?

Он взглянул на Ао Цина, и в его глазах читалась искренняя обида.

Ао Цин мягко коснулся губами его век и тихо рассмеялся:

— Обычному смертному хватило бы и ста лет рядом с тобой. Но я дракон, моё сердце алчно и ненасытно. Я хочу забирать себе каждый твой век, один за другим. Побоялся, что ты воспротивишься, вот и пошёл на хитрость. Теперь, когда я заманил тебя в свои сети, тебе уже не сбежать.

Дракон говорил властно, но Лингуан умел быть ещё непреклоннее.

— Одной жизни мне мало, — гордо заявил он тогда. — Даже в следующем перерождении я найду тебя, свяжу и заберу к себе примаком.

Сказав это, он с царственным видом вручил дракону своё драгоценное хвостовое перо.

Вот только судьба распорядилась иначе...

Лингуан бережно обмотал порванную нить вокруг запястья. Резкий контраст алого шнурка и бледной кожи лишь сильнее подчёркивал изящную хрупкость его тонкой кисти.

После великой катастрофы, разразившейся тысячу лет назад, ту самую чешуйку он вплавил в Фонарь призыва душ, отпустив её вслед за ушедшим Ао Цином. Себе он оставил лишь оборванную алую нить, которую когда-то не глядя бросил в шкатулку и оставил пылиться среди старого хлама.

— Твоя обратная чешуя была прекраснее всех на свете, — Лингуан опустил голову и бережно прикоснулся губами к алому шнурку. Солнечный луч ласкал его ресницы, лицо дышало благоговением и щемящей нежностью, словно сквозь разделявшую их бездну веков он вновь признавался супругу в любви.

Он больше никогда не примет чужой обратной чешуи.

Овдовевший феникс скрыл свою пленительную красоту от мира, сотворив вокруг себя невидимый кокон вечного траура, и продолжал упрямо ждать новой встречи.

Пройдут тысячи, десятки тысяч лет — этот день непременно настанет.

Лингуан поднял взор, мгновенно спрятав щемящую нежность глубоко в сердце.

Вскоре сотрудники секретариата подметили странную деталь: на запястье их Звёздного лорда, который отродясь не жаловал украшений, появился тонкий алый шнурок. Исходящую от него тонкую, но отчётливую ауру дракона было просто невозможно игнорировать.

Вещица явно принадлежала кому-то из чешуйчатого племени.

А ведь единственным драконом, появившимся в столице за последнее время, был тот самый пришлый бог, не так ли?

Секретариат так и полнился шушуканьем. Вскоре эти досужие сплетни долетели и до ушей Цзюйманы.

Как раз в это время Бог весны пришёл в Звёздную администрацию с бумагами на регистрацию нового вида растений. Он решил подняться наверх, чтобы навестить А-Лина, и случайно подслушал эти разговоры.

На душе у него мгновенно заскребли кошки. Сделав безразличный вид, он небрежно поинтересовался у служащих:

— И что ещё за драконий бог?

Юная секретарша вздрогнула, но, сообразив, что перед ней стоит вечно приветливый Бог весны, с облегчением выдохнула и заговорщически зашептала, выкладывая всё до мельчайших подробностей.

С каждым словом на сердце у Цзюйманы становилось всё тяжелее. Он из последних сил удерживал на лице вежливую улыбку, которая теперь выглядела натянутой и безжизненной.

— А-Лин ценит дисциплину, — негромко прервал он её. — Не стоит попусту перемывать кости начальству.

Секретарша испуганно закивала и, заметив шагнувшую из лифта фигуру, поспешила навстречу гостю.

Вновь прибывший бог мимолётом скользнул по нему взглядом. Цзюймань сразу признал в нём того, с кем столкнулся в прошлый раз.

При ярком свете дня гость казался куда величественнее, нежели в тусклом ночном полумраке. Вглядевшись в черты его лица, Цзюймань оцепенел.

При дневном свете сходство с Ао Цином было просто поразительным!

Но по-настоящему его укололо другое: Юэ Чжао сам снизошёл до разговора. Склонив голову и глядя на него со спокойным дружелюбием, он вкрадчиво поинтересовался:

— У вас какое-то дело к хозяину кабинета? Если хотите, я могу поспособствовать и замолвить за вас словечко перед А-Лином.

А-Лин!

Столь фамильярное обращение и собственнические нотки в голосе заставили Цзюйманя вспыхнуть от досады. Едва сдерживая раздражение, он резко бросил:

— В этом нет нужды!

Кровь ударила ему в голову, и он, напрочь позабыв о приличиях, толкнул тяжёлую дверь кабинета.

В залитом ярким светом помещении Лингуан как раз подписывал документы. Медленно подняв взгляд, он смерил вошедшего ледяным взглядом, в котором сквозило отчётливое раздражение:

— Неужто Бог весны растерял все манеры и разучился стучать?

— Прости, А-Лин... — Цзюймань смешался под этим взглядом, не зная, куда деть руки.

Вопрос Лингуана о деле застал его врасплох. Смущённо потерев кончик носа, Бог весны пробормотал:

— Я просто заносил бумаги в Звездную администрацию... и решил проведать тебя.

— Вот как? — безучастно отозвался Лингуан. Радости от этого визита он явно не испытывал.

Дверь деликатно приоткрылась, и в кабинет заглянул улыбающийся Юэ Чжао:

— А-Лин, ты сильно занят? Позволишь войти?

Не дожидаясь ответа, он скользнул в комнату. Проигнорировав стоявшего рядом Цзюйманя, словно тот был пустым местом, дракон подошёл ближе и тихо заговорил с хозяином кабинета.

Лингуан недовольно нахмурился. Он на дух не переносил, когда его беспокоили во время работы, однако Юэ Чжао почему-то выставлять не стал.

Ощувив себя совершенно лишним в этой комнате, Цзюймань поспешил уйти. Но даже за дверями ему не удалось укрыться от назойливых сплетен — секретарши вовсю расхваливали пришельца.

— Господин Юэ такой милый, каждый раз балует нас редкими духовными плодами!

— Да, он невероятно учтив и хорош собой. Вот бы он заглядывал к нам почаще.

— Ой, да ладно тебе заливать! Скажи прямо — тебе просто хочется бесплатных лакомств!

Цзюйманя так и подмывало высказать всё, что он думает. С самой первой встречи этот мужчина вызывал у него подсознательное, почти паническое отторжение, и сейчас это чувство достигло пика.

Пребывая в полном смятении, он добрых несколько минут стоял в коридоре, прежде чем заметил, что от нахлынувших эмоций забыл плотно закрыть дверь кабинета. Подойдя, чтобы бесшумно потянуть ручку на себя, он случайно заглянул внутрь и замер как вкопанный.

Солнечные лучи проникали сквозь панорамные окна, ложась на рассыпанные по полу серебряные пряди. Тонкие пальцы медленно убирали влажные волосы с порозовевшего лица дракона, являя Цзюйманю невероятную картину.

От этого бережного прикосновения Юэ Чжао медленно приоткрыл чистые, ласковые глаза. Дыхание его сбилось, ресницы мелко подрагивали, а на глазах блеснули крупные слёзы. Он тихо, прерывисто вздохнул:

— М-м...

Юэ Чжао стоял на коленях, доверчиво уткнувшись лицом в колени Лингуана. Он казался таким хрупким и беззащитным, а в его устремлённом на феникса взоре читалась бездонная, умоляющая нежность.

<http://bllate.org/book/20308/2208718>